

DOI 10.24411/9999-001A-2020-10035
УДК: 94

О.А. Громова
Новосибирский государственный технический университет
пр-т К. Маркса, 20, г. Новосибирск, Россия, 630073
olga-gromova-91@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1564-1882>
Научный руководитель: доктор исторических наук Е.И. Красильникова

Тенденции развития мемориального пространства малых городов Новосибирской области в 1980–1990-х годах

Аннотация

Актуальность работы определяется необходимостью разработки категории мемориального пространства, которая в исследованиях памяти до сих пор не имеет четкого наполнения. Это имеет значение и с точки зрения общего понимания мемориальных процессов в России, их влияния на общественное самосознание, в том числе и региональное. Исследуемый период 1980–90-х гг. в мемориальном пространстве является во многом показательным, так как на это время приходится изменение в политике памяти, вызванное кампанией гласности и распадом Советского Союза в дальнейшем, что нашло отражение в коммеморативном дискурсе. В статье приводится характеристика пространственной организации мемориального пространства в малых городах Новосибирской области на примере следующих групп памятников: памятники жертвам и героям Гражданской войны; памятники Великой Отечественной войне; памятники местным героям, которые не связаны с Гражданской и Великой Отечественной войной. Отмечается, что в 1980-х гг. наблюдается тенденция к «памятованию» Гражданской и Великой Отечественной войны, что проявляется в возведении новых мемориалов в малых городах Новосибирской области. В 1990-х гг. происходит переход от «памятования» Гражданской войны к ее постепенному забвению, а практика использования государством памяти о Великой Отечественной войне в мемориальном пространстве для объединения и идентификации граждан продолжает использоваться и после распада Советского Союза. Относительно новым в мемориальном пространстве в 1990-х гг. становится тема памяти о жертвах репрессий и участниках войны в Афганистане.

Ключевые слова: мемориальное пространство, малые города, наследие, историческая память, политика памяти

О.А. Gromova
Novosibirsk State Technical University
C. Marx Avenue, 20, Novosibirsk, Russia, 630073
olga-gromova-91@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1564-1882>
Scientific adviser is PhD in History E.I. Krasilnikova

Development trends of memorial space of small towns in Novosibirsk Region in 1980s — 1990s

Abstract

The relevance of the work is determined by the need to develop a category of memorial space, which in memory research does not have clear content. This is also important from the point of view of a general idea of memorial processes in Russia, their impact on social identity, as well as a regional one. The studied period of the 1980s — 1990s in the memorial space is largely indicative, as this time witnessed changes in the politics of memory, caused by the campaign of publicity and the following collapse of the Soviet Union, which was reflected in the commemorative discourse. The article deals with the spatial organization of the memorial space in small towns of the Novosibirsk Region by the example of the following groups of monuments: monuments to the victims and heroes of the Civil War; monuments to the Great Patriotic War; monuments to local heroes who are not connected with the Civil and Great Patriotic War. In the 1980s there was a trend to “commemorate” the Civil and Great Patriotic War, which is manifested in the construction of new memorials in small towns of the Novosibirsk region. In the 1990s, there was a transition from «commemorating» the Civil War to its gradual oblivion, while the use the

memory of the Great Patriotic War to unite and identify citizens continued after the collapse of the Soviet Union. The issue of memorizing the victims of repressions and veterans of the 1979–1989 War in Afghanistan was becoming new in the memorial space in the 1990s.

Key words: memorial space, small towns, heritage, historical memory, memory policy

Введение. Начиная с 1990-х гг. гуманитарное научное сообщество проявляет устойчивый интерес к проблемам коллективной памяти больших и малых сообществ. Имеют популярность исследования памятников и мемориалов в контекстах политики памяти и тенденций развития мемориальной культуры. При этом понятийный аппарат исследований памяти остается во многом неразработанным. Это касается и категории мемориального пространства. Между тем разработка этой категории актуальна с точки зрения общего понимания мемориальных процессов в России, их влияния на общественное самосознание, в том числе и региональное. Хочется надеяться, что исследование формирования мемориального пространства отдельных локусов большой страны будет полезным в контексте сохранения историко-культурного наследия и адекватного развития мемориального пространства городов с учетом традиций «места» и запросов общества на обновления мемориальной инфраструктуры.

На разных исторических этапах для жителей города актуальны разные памятные места и памятники, образующие целые системы. В городском пространстве обычно увековечивается память о событиях и исторических деятелях как локального, так государственного, национального и даже мирового значения. Однако не все памятные места и памятники долговечны. Их возникновение, забвение и актуализация во многом определяется политикой памяти, которую продвигают различные политические субъекты.

Период 1980–90-х гг. для истории России являлся переломным. Кампания гласности, организованная М.С. Горбачевым, была нацелена на изобличение отдельных недостатков существующего строя ради решения экономических проблем страны. В результате, как отмечает Н.Е. Копосов, объектом осуждения стало советское прошлое вместо отдельных недостатков настоящего [Копосов, 2011, с. 111]. Это, наряду с другими обстоятельствами, повлекло за собой ослабление влияния КПСС на общественно-политическую жизнь страны и привело к кризису советской политической системы. Вместе с изменением политического устройства в России происходила переоценка ценностей, менялось отношение к культурным и историческим объектам.

Цель данного исследования — выявить тенденции развития мемориального про-

странства малых городов Новосибирской области в 1980–90-х гг. Для этого нам предстоит решить следующие задачи: используя существующую историографию, пояснить обстоятельства возникновения населенных пунктов на территории Новосибирской области; охарактеризовать пространственную организацию их мемориального пространства к указанному периоду и установить, какие происходили изменения в мемориальном пространстве этих городов в 1980–90-х гг.

Данная работа потребовала проведения междисциплинарного исследования на стыке отечественной истории, культурологии и социальной философии. В предлагаемом исследовании используется социально-деятельностный подход к осмыслению культуры и понятийный аппарат исследовательского поля *memory studies*. Общество функционирует как система социальной деятельности, которую регулирует общественное сознание посредством специфической рефлексии, основное конечное назначение которой — «регулятивное обеспечение практики» [Фофанов, 1981, с. 39]. Пространство — это не просто физическая реальность, а объект человеческой деятельности. Мемориальное пространство в данной работе определяется как система пространственно локализованной коммеморативной деятельности и воплощающих ее артефактов и символических репрезентаций, выполняющих значимую функцию обеспечения внутренней интегрированности как на уровне местных сообществ, так и на уровне общегосударственном [Вальдман, Громова, 2019, с. 37]. Ранее нами установлено, что мемориальное пространство обычно организовано по аналогии с сакральным пространством, в котором можно выделить «центр» и «периферию». Центр представляет собой концентрированное и специфическим образом упорядоченное выражение символов, верований и ценностей данного сообщества, предельные основания для его «структуры активности» — основных форм социальной деятельности [Там же, с. 38]. Периферийная часть пространства организуется по принципу локализации «малых традиций», которые основываются прежде всего по типу сельских общин, в отличие от трансформирующего местного наследия «центра». Согласно позиции Э. Дюркгейма, сакральное в сущности своей социально: общественные группы придают своим высшим социальным и моральным побуждениям облик священных образов, символов, добиваясь тем самым от

индивида категорического подчинения коллективным требованиям [Дюркгейм, 2018]. В числе таких образов и символов могут быть государственные деятели, события, которым придается большое значение в мемориальном пространстве, встраиваемое в категорию сакрального. В качестве примера можно привести фигуру В.И. Ленина, которому повсеместно на территории Советского Союза устанавливались памятники. Мавзолей В.И. Ленина можно интерпретировать как сакральный символ советской мемориальной культуры. Показательно, что один из инициаторов создания мавзолея Ленина Л.Б. Красин говорил: «Ведь это будет место, которое по своему значению для человечества превзойдет Мекку и Иерусалим. Сооружение должно быть задумано и выполнено в расчете на столетия, на целую вечность» [Красин, 1924, с. 24]. Как отмечает немецкий историк и культуролог А. Ассман, в полностью секуляризованной политической системе отмененная религия заменилась новым культом «святыни», ставшей целью паломничества для многих тысяч людей [Ассман, 2019, с. 86]. Праздничные торжества по случаю Октябрьской революции в советском обществе представляли собой ритуал, который знаменовал важность этого события в истории государства. Ритуально-магическая практика обеспечивает внутреннюю идентичность традиции как сакрального нормативного комплекса через периодическое, выраженное в знаковых формульных действиях воспоминание, актуализацию эталонов, поддержание готовности к исполнению требуемых традицией предписаний, исправление и забывание осознанных отклонений [Вальдман, 2014, с. 127].

Начало изучения проблем коллективной памяти, различных форм и способов увековечивания памяти связано с творчеством французского философа и социолога М. Хальбвакса, который показал зависимость индивидуальной памяти от общества и заложил концептуальные основы понимания сущности коллективной, исторической памяти и их проявлений в разнообразных коммеморациях [Хальбвакс, 2007]. Немецкий историк и культуролог А. Ассман в динамике культурной памяти выявила две противоположные тенденции: «памятование» и «забвение» [Ассман, 2019, с. 19]. К «памятованию» можно отнести такие акты, как возведение памятников, признание памятников, придание статусов памятников тем или иным артефактам, а к «забвению» — исчезновение памятников, их игнорирование, нейтрализацию в их отношении. Большой вклад в осмысление культурной составляющей памяти внесли египтолог Я. Ассман [Ассман, 2004], философ П. Рикер [Рикер, 2004], историк П. Нора [Нора и др., 1999] и др. Концепт мемориального пространства в науке не был разрабо-

тан. Но, с позиции нашего исследования, идеи этих авторов помогают в осмыслении мемориального пространства как части городского символического пространства, выстраиваемого усилиями разных поколений и несущего актуальные для общества смыслы, которые изменяются со временем вместе с обществом.

До сих пор еще систематически не исследована история формирования мемориального пространства городов Новосибирской области и не выявлена динамика смыслов, отражавшихся в этих коммеморациях на разных исторических этапах. Однако наши предшественники изучали историю этих городов и их памятных мест в контексте традиционного краеведения. Преимущественно к юбилейным датам выпускались отдельные работы по истории этих городов [Буров; Умбрашко; Лобашов; Николаев и др.]. Также имеются информационные ресурсы, предлагающие краткие сведения о городах Новосибирской области¹. Краеведами и специалистами по охране историко-культурного наследия были собраны, систематизированы по населенным пунктам Новосибирской области памятники новосибирцам — защитникам Отечества и оформлены в справочном виде [Каталог..., 2010]. Общие контексты политики памяти 1980–90-х гг., которые необходимо учитывать в рамках данного исследования, были проанализированы Н.Е. Копосовым [Копосов, 2011].

Основными источниками для исследования послужили материалы делопроизводства Новосибирского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), хранящиеся в фондах государственного архива Новосибирской области: протоколы заседаний, отчеты, доклады, планы работы, справки, статистические данные. Вещественными источниками заявленной темы служат памятники, которые располагаются на территории малых городов Новосибирской области. Среди привлеченных к исследованию источников особого внимания заслуживают материалы местной периодической печати (газеты и журналы).

Полученные результаты и их обсуждение. Для нашего исследования представляют интерес малые города Новосибирской области: Барабинск, Болотное, Искитим, Карасук, Каргат, Куйбышев, Купино, Татарск, Тогучин, Черепаново, Чулым.

Основание первых городов Новосибирской области связано с покорением русскими Сибири. Процесс освоения сибирских земель продолжался на протяжении длительного времени, начиная с похода Ермака в 1582–1585 гг. Для сообщения между столицей Российского государства и освоенными террито-

¹ 10.24411/9999-001A-2020-10035

риями был проложен Московско-Сибирский тракт. По этому пути переселенцы, купцы, беглые крестьяне двигались вглубь Сибири и на Дальний Восток, основывая свои поселения, в числе которых и некоторые города современной Новосибирской области. Следующей вехой в этом процессе можно считать строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, которое также привело к расширению географии населенных мест, в том числе и будущих городов.

Среди первых населенных пунктов, мемориальное пространство которых для нас является объектом исследования, на территории современной Новосибирской области последовательно возникли Куйбышев (1722 г.), Каргат (1746 г.), Чулым (1762 г.), Болотное (1805 г.), Тогуцин (1867 г.), Купино (1886 г.). В 1722 г. на месте современного г. Куйбышева был основан форпост Каин-Пас. В 1935-м г. Каинск был переименован в Куйбышев. В 1746 г. на реку Каргат из с. Убинского перенесли военный гарнизон, и образовался населенный пункт Каргат. В 1965 г. рабочий поселок Каргат приобрел статус города. В 1891 г. начались работы по строительству Транссибирской железной дороги. В 1893 г. ввели в эксплуатацию железнодорожный разъезд «Чулымский», ставший станцией «Чулымской». В 1935 г. населенный пункт получил статус рабочего поселка с названием Чулым. В августе 1947 г. поселок Чулым преобразовали в город. В 1805 г. на месте современного г. Болотное была основана ямщицкая станция Московско-Сибирского тракта. В 1931 г. населенный пункт был преобразован в рабочий поселок. В 1943 г. рабочий поселок Болотное получил статус города. В 1867 г. было образовано поселение Тогуцин Томской губернии. В 1945 г. этот населенный пункт, имевший уже статус рабочего поселка, был преобразован в город Новосибирской области. Первое поселение на месте современного г. Купино было основано переселенцами из западных регионов страны в 1886 г. В 1944 г. населенный пункт получил статус города районного подчинения. В 1940-х гг. на территории Новосибирской области отмечается увеличение количества городов, причины данного явления восходили к масштабной военной эвакуации из европейской части Советского Союза и необходимости налаживания производства для нужд фронта за Уралом.

В ходе строительства Транссибирской железнодорожной магистрали возникли города Барабинск (1893 г.), Татарск (1894 г.), Карасук (1912 г.), Черепаново (1915 г.) и Искитим (1916 г.). В 1917 г. Барабинск приобрел статус города. Татарск вырос из станции Татарской, которая получила свое название от близлежащей деревни Татарки. В 1911 г. поселок Татарск получил статус безуездного города Томской губернии. В

1937 г. город и Татарский р-н были включены в Новосибирскую область. Поселок при железнодорожной станции Карасук линии Татарское–Славгород получил в 1943 г. статус рабочего поселка, а в июне 1954-го он был преобразован в город районного подчинения Карасук. В 1915 г. на месте современного г. Черепаново была открыта железнодорожная станция и пристанционный поселок Свободный. В 1925 г. населенный пункт был преобразован в город Черепаново. В 1916 г. была построена Алтайская железная дорога и железнодорожная станция Искитим. В 1933 г. из сел Койново, Вылково, Черноречка, Шипуново был образован рабочий поселок Искитим, который через пять лет стал городом районного подчинения.

Из нашего обзора заметно, что города в Новосибирской области преимущественно возникли в первой половине XX в. как поселки и железнодорожные станции. Внешне эти города до сих пор похожи на деревни. В них преобладают одноэтажные дома с приусадебными участками и огородами, также некоторые местные жители занимаются животноводством. В этих городах немого монументальной архитектуры. Основу мемориального пространства в малых городах Новосибирской области составляют советские памятники. С подачи советской власти в населенных пунктах нашей страны формировалось однотипное, гомогенное мемориальное пространство, выражавшее строго определенные смыслы и ценности [Громова, Красильникова, 2019, с. 459–460]. Рассмотрим пространственную организацию мемориального пространства малых городов Новосибирской области на примере следующих групп памятников: памятники жертвам и героям Гражданской войны; памятники, тематически связанные с Великой Отечественной войной; памятники местным героям, которые не связаны с Гражданской и Великой Отечественной войнами.

До революции центром мемориального пространства небольшого населенного пункта была обычно базарная площадь, где мог быть построен храм, который нередко являлся одновременно и памятником важным событиям в истории дома Романовых или иным значимым в имперском масштабе событиям. В православном понимании святым местом было и кладбище. До правления Екатерины Великой русские кладбища располагались у церквей, однако указом императрицы они из санитарных соображений выносились за пределы жилых кварталов. Так сакральное (оно же мемориальное) пространство дробилось. Погребения на погосте у храма допускались, но лишь для выдающихся людей, широко известных, чья смерть становилась событием не только для семьи усопшего, но для широкой общественности. Географически кладбище выносилось

на периферию. Однако символически эта периферия становилась вторым центром сакрального пространства.

Мемориализация памяти о героях и жертвах Гражданской войны в малых городах Новосибирской области проходила в несколько этапов: в начале 1920-х гг., в 1960-х и 1980-х гг. В годы Гражданской войны на местах расправы белогвардейцев над красногвардейцами устраивали массовые захоронения. Братские могилы могли выноситься и на главные площади населенных пунктов. С установлением советской власти на братских могилах по инициативе местных жителей устанавливали памятники или металлические обелиски; в 1960–80-х гг. открывались монументы и устанавливались новые, более долговечные памятники. Например, в г. Карасуке, где в 1918 г. на болоте были расстреляны шесть человек — борцов за советскую власть, был поставлен деревянный памятник [ГАНУ, Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 331. Л. 14]. В 1971 г. по инициативе местных жителей был создан монумент в честь памяти погибших героев Гражданской войны и установлен на месте прежнего деревянного памятника. Скульптурная композиция состоит из пяти фигур, изображающих четырех мужчин и одну женщину. Географически памятник располагается в «периферийной» части города, в конце ул. Щорса, названной в честь участника Первой мировой войны, красного командира Гражданской войны Н.А. Щорса. Такое местоположение в мемориальном пространстве г. Карасука объясняется местом гибели местных героев Гражданской войны. Маркировка этого места усложняла конфигурацию мемориального пространства города. Могила на болоте — главный памятник Гражданской войны — делала центром то место, которое раньше не могло восприниматься таковым.

В Каргате в 1919 г. белочехи расстреляли четверых красных партизан, которых потом местные жители похоронили на Базарной площади [ГАНУ, Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 331. Л. 15]. В соответствии с распространенной практикой тех лет погребение героев в самом посещаемом месте города подчеркивало их героический статус и признание их подвигов. В 1927 г., когда умер бывший партизан, заведующий Домом колхозников Ф. Ларичев, местными властями было принято решение похоронить его вместе с ранее погибшими, а саму могилу героев, скорее всего, из санитарных соображений, перенести с Базарной площади за реку Каргат. В 1947 г. на могиле был поставлен металлический обелиск, увенчанный звездой. Позднее, 19 мая 1988 г., по инициативе коллектива средней школы № 3 и на средства, собранные школьниками, на могиле вместо старого обелиска была установлена стела. Сейчас братская могила находится в

центральной части Каргата на небольшой вытянутой площади, перпендикулярной к ул. Северной, перед оградой школы. Такое месторасположение можно объяснить как удобное для воспитания в подрастающих поколениях патриотизма и сохранения памяти о Гражданской войне, что было актуально в советский период. На стеле выполнена надпись краской «под бронзу»: «Здесь похоронены партизаны, павшие в бою с колчаковскими бандами в 1919–1920 годы, товарищи Трегуб Г., Харитонов В., Орлов О. и умерший в 1927 г. партизан Ларичев Ф.».

В г. Куйбышеве существует два советских памятника жертвам Гражданской войны: в центре города и на старом кладбище. Эти памятники образуют систему с главным и подчиненным ему вторым центром. Одна братская могила расположена в центре города, в сквере у кинотеатра «Комета». Памятник, установленный в 1920 г., не сохранился. В 1928 г. на месте прежнего памятника был поставлен обелиск, который представляет собой колонну сложной формы, на вершине которой укреплен металлическая звезда. В 1919 г. на братской могиле партизан, расстрелянных колчаковцами, установили памятник, а в 1920 г. — обелиск. [ГАНУ, Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 331. Л. 18]. В средней части обелиска была установлена мемориальная гравированная доска из металла с текстом: «26 июля 1919 года на этом месте расстреляны белогвардейцами Артемьев П.М.; Бейлин А.К.; Берман В.С.; Баранов Н.И.; Богусланов С.К.; Здвинский М.С.; Копейкин Т.М.; Михлин С.А.; Макаров В.Е.; Пушкирев А.Л.; Суходолов Н.В.; Фурман М.И.; Фурман Л.И.; Шиманович И.М. Помните их имена!». К настоящему времени мемориальная доска не сохранилась. Именно этот обелиск находится в центре старого кладбища (на почетном месте), которое расположено в юго-западной части города. В 1960 г. эти два памятника были взяты под региональную охрану по решению Новосибирского облисполкома от 22.11.1960 г. № 868 [ГАНУ, Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 873. Л. 191–195.].

Поясним некоторые контексты политики памяти, отразившиеся на изменениях мемориального пространства сибирских городов в советское время. С начала 1930-х до начала 1960-х гг. государственная политика памяти не акцентировала память о местных героях Гражданской войны, что можно считать проявлением тенденции к забвению в связи с повышением внимания к памяти о всесоюзно значимых героях. С 1960-х и до 1980-х гг. актуализировалась память о Гражданской войне и наблюдались тенденции к «памятованию» событий на местах. С 1960-х гг. возрождение интереса к местным героям Гражданской войны использовалось для патриотического воспитания советских граждан. Но решение Новосибирского об-

лисполкома от 16.02.1987 г. № 53 уже не прописывало патриотическую ценность памятников, акцент делался на реставрации и сохранении уже существующих памятников. В решении облисполкома от 18.07.1990 г. № 282, как и в документе 1987 г., говорилось в основном про сохранение существующих памятников. Но появился и пункт 3, дающий возможность сдавать памятники в аренду частным лицам для получения специальных средств: «Передать на баланс управления культуры облисполкома с целью получения специальных средств от сдачи в аренду объектов, перечисленных в приложении № 4» [ГАНУ, Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 3637. Л. 69–70]. Таким образом, в конце 1980-х и в начале 1990-х гг. память о Гражданской войне продолжала поддерживаться со стороны властей, но идеологизация памяти постепенно ослабевала. После распада Советского Союза память о Гражданской войне из «центрального» места в мемориальном пространстве уходила в «периферийную» часть. Это было вызвано тем, что изменилась политика памяти со стороны государства, и память о Гражданской войне перестала быть актуальной и востребованной в политическом дискурсе. Памятники Гражданской войны и братские могилы теряли в это время свою востребованность в мемориальном пространстве, уступая место памятникам Великой Отечественной войны.

В отличие от памяти о Гражданской войне, память о Великой Отечественной войне с распадом Советского Союза продолжала занимать «центральное» положение в политике памяти. Опыт войны переоценивался, но «героическая Победа» неизменно использовалась как основополагающая для национального строительства идея. Как отмечает Н.Е. Копосов, в ходе войны режим Сталина сумел широко распространить среди населения свою версию происходящей на глазах истории. Версию о неожиданном нападении коварного и жестокого врага на страну мирных тружеников, которой история отпустила слишком мало времени, чтобы укрепить свою обороноспособность, но которая нашла в себе силы, чтобы сплотиться под руководством «вождя» и ценой невероятных страданий и жертв отстоять свою свободу, равно как и свободу всего человечества [Копосов, 2011, с. 91]. Эта версия была включена в коммеморативный дискурс, который из Советского Союза после его распада перешел в Россию.

В изучаемый нами период на территории Новосибирской области в малых городах неизменно наблюдалась тенденция к «памятованию» о героях и событиях Великой Отечественной войны, которая выражалась в актах возведения новых памятников и мемориальных комплексов. Эта тенденция превалировала над прочими. В 1980-х гг.

мемориализация памяти о Великой Отечественной войне в монументальной форме происходила в таких малых городах Новосибирской области, как Чулым, Татарск, Болотное, Куйбышев. Например, в Чулыме по инициативе РК КПСС и горсовета в 1980 г. был установлен памятник воинам-землякам, павшим в годы Великой Отечественной войны [Каталог..., 2010]. Скульптурная композиция состоит из трех фигур участников войны — солдата, матроса и девушки в военной форме. Памятник расположен в центре города на площади Комсомольской в сквере Победы.

В Татарске по инициативе председателя горисполкома Н.Я. Савченко в 1981 г. был открыт мемориальный комплекс воинам, погибшим в годы Гражданской и Великой Отечественной войн, показательно отразивший тенденцию к соединению памяти о двух войнах как об этапах героической борьбы советского народа за победу социализма, а в перспективе — будущего и коммунизма. Монументальная композиция состоит из фигуры воина-освободителя, за спиной которого белые мраморные плиты с золотыми буквами имен 2300 воинов, павших в годы войны [Там же]. В мемориальном пространстве города памятник занимает центральное положение на площади Победы.

В Болотном в 1983 г. на совместном заседании исполкома Болотинского районного Совета народных депутатов и бюро РК КПСС было принято решение о строительстве мемориала воинам, павшим в годы Великой Отечественной войны. Все организации и учреждения города приняли участие в создании памятника. В 1985 г. мемориал воинам-землякам, павшим в годы войны, был открыт, а состоял он из скульптуры воина и пилонов с именами 1266 жителей г. Болотное. В 1987 г. для Аллеи Героев были изготовлены девять бюстов Героев Советского Союза — уроженцев Болотинского р-на — К.И. Бабахина, Н.Д. Борисова, И.С. Забонова, В.Х. Иванова, Г.К. Котова, В.П. Лызина, А.Н. Миронова, М.А. Пупкова, А.В. Сарыгина. В 1985 г. на старом городском кладбище был установлен памятник воинам Великой Отечественной войны, умершим от ран в эвакогоспитале в г. Болотное в 1940-е гг. [Там же].

В г. Куйбышеве на территории завода автозапчастей в 1985 г. был установлен памятник работникам завода, погибшим в боях за Родину, и в этот же год на территории спиртзавода установили аналогичный памятник. В 1989 г. был установлен памятник Воину-Освободителю, посвященный всем погибшим в годы войны [Там же]. Заметно, что от жителей Куйбышева исходило больше мемориальных инициатив, нежели от жителей других городов Новосибирской области. В итоге мемориальное простран-

ство Куйбышева становилось сравнительно насыщенным и иерархически организованным. Памятник Воину-Освободителю теперь занял доминирующее положение в отношении братской могилы периода Гражданской войны. Но вместе эти объекты составили выраженный, по крайней мере «двухслойный», центр мемориального пространства. Ближе к периферии находились военные памятники на территории заводов и еще одна братская могила партизан Гражданской войны.

В начале 1990-х гг. увековечивание памяти о Великой Отечественной войне в монументальных формах в Новосибирской области продолжалось, но было уже не таким активным, как в 1980-х гг. Эта тенденция представлена мемориальным комплексом в Барабинске и Монументом Славы в Каргате. Мемориальный комплекс в Барабинске, посвященный памяти воинов, павших в годы Великой Отечественной войны, был создан в 1991 г. по инициативе местных жителей. Скульптурно-художественная композиция состоит из пяти монументальных плит с девятью мемориальными досками, на которых нанесены имена 4575 погибших, и главной скульптурной композиции, изображающей воинов. Слева от центра — бюсты шести Героев Советского Союза из Барабинского р-на — М.Г. Апарина, Д.П. Бурцева, И.Я. Воронкова, А.Т. Перевозникова, П.И. Хрусталева, А.П. Шубина [Там же]. В мемориальном пространстве города этот мемориальный комплекс расположен в его центральной части и внешне мало чем отличается от подобных объектов, установленных в 1980-х гг. в малых городах Новосибирской области. В Каргате, по инициативе местных жителей, в 1987–1993 г. был сооружен Монумент Славы, посвященный воинам-землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Монументальная композиция состоит из двух мемориальных стен с именами 1150 павших воинов и бюстов Героев Советского Союза, стоящих по сторонам аллеи: Н.А. Бабаяева, Г.А. Голубовского, И.А. Домбровского, П.П. Кожемякина, Л.С. Константинова, Н.П. Леончикова, И.И. Осинного, Г.И. Писарева [Там же]. Монумент Славы расположен в центральной части Каргата. Во второй половине 1990-х гг. в малых городах Новосибирской области не возводились мемориальные комплексы, посвященные памяти о Великой Отечественной войне, но за внешним состоянием памятников, установленных ранее, продолжали следить.

В мемориальном пространстве малых городов Новосибирской области, помимо перечисленных памятников, также присутствуют памятники местным героям, не связанным с Гражданской и Великой Отечественной войной. К числу таких фигур можно отнести известных личностей, которые посещали эти города или какое-то время в них жили. В ма-

лых провинциальных городах факт пребывания в них известных исторических личностей воспринимался с гордостью. Это объясняется тем, что отношение к местам, связанным с государственным дискурсом памяти, во многом воспроизводило отношение к сакральным местам, наличие которых всегда символически повышало статус города, его значимость в масштабе «центрального» дискурса памяти, его различимость, приметность в пространстве всей страны [Красильникова, 2019, с. 247]. В плане работы совета ВООПИиК в г. Куйбышеве на 1983 г. обозначается деятельность по установке на всех исторических и архитектурных памятниках мемориальных досок с необходимыми пояснительными текстами, чтобы «заставить памятники заговорить» [ГАНУ, Ф. Р - 2054. Оп. 1. Д. 296. Л. 32]. В частности, планировалось открыть мемориальную доску на здании центральной библиотеки, где в 1890 г. останавливался писатель А.П. Чехов [ГАНУ, Ф. Р - 2054. Оп. 1. Д. 296. Л. 35]. Через Куйбышев проезжали многие видные исторические деятели, сведения о которых в 1980-х гг. стали активно использоваться в организации мемориального пространства. Те же процессы происходили и в других городах Новосибирской области, имеющих дореволюционное прошлое. В отчетной документации ВООПИиК за 1983 г. приводятся следующие сведения из истории г. Куйбышева: «Свои заметки о Каинске оставил Александр Радищев, проезжавший через город в 1797 г. по пути в ссылку. Летом 1826 г., следуя к месту своей ссылки в Восточную Сибирь, в Каинске в доме горюничего останавливались декабристы. В воспоминаниях декабристов Н.В. Басаргина, М.И. Пущина и М.А. Фонвизина содержатся самые теплые слова о И.Я. Степанове, который задержал их у себя с товарищами, давая возможность отдохнуть от трудной дороги и постоянного надзора фельдъегерей, позаботился вместе с тем и об их дальнейшем пути, снабдив провиантом и деньгами» [ГАНУ, Ф. Р - 2054. Оп. 1. Д. 301. Л. 1]. Фигуры декабристов до конца 1980-х гг. представлялись в публичном мемориальном пространстве городов как героические деятели истории, стоявшие у истоков революционного движения в России. На символической периферии городского мемориального пространства существовали посвященные им мемориальные объекты, дополнявшие основные городские памятники. В 1990-х гг. в политике памяти отмечалась тенденция к забвению декабристов, вызванная изменением идеологического дискурса.

Тенденции «памятования» и «забвения» проявлялись не только через акты возведения или исчезновения, игнорирование памятников, но и через различные коммеморативные практики. В советский период юбилейные торжества демонстрировали, к каким историческим символам прибегало

государство в целях легитимации правящего режима. В числе постоянных праздников и приуроченных к ним мероприятий были юбилей В.И. Ленина, торжества по случаю Октябрьской революции, победы большевиков в Гражданской войне. В плане организаторской и пропагандистской работы ВООПИиК после II пленума 14 июня 1989 г. говорится о мероприятиях (беседах, лекциях, субботниках, экскурсиях), приуроченных к 120-летию со дня рождения В.И. Ленина [ГАНУ, Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 379. Л. 29]. В образовательных и культурных учреждениях проходили лекции на следующие темы: «Советская власть — гарант охраны памятников истории и культуры», «Ленинское учение о культурном наследии», «Октябрьская революция и охрана памятников истории и культуры», «Памятники, связанные с жизнью и деятельностью В.И. Ленина, и их роль в коммунистическом воспитании трудящихся» [ГАНУ, Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 294. Л. 268]. В этом плане также говорилось об аналогичных мероприятиях, посвященных 45-летию Победы в Великой Отечественной войне [ГАНУ, Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 379. Л. 29]. В образовательных и культурных учреждениях проводились лекции по теме: «Памятники Великой Отечественной войны и проблемы нравственного воспитания трудящихся» [ГАНУ, Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 294. Л. 268]. В г. Куйбышеве по местному радио шел цикл радиопередач «Их именами названы улицы города» [ГАНУ, Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 296. Л. 32]. Например, проходила радиопередача, посвященная Герою Советского Союза Я.Г. Агафонову, имя которого увековечено на памятном пилоне в честь Героев Советского Союза в Куйбышеве и на Аллее Героев у Монумена Славы в Новосибирске. Улица Заводская в Куйбышеве, где жил Я.Г. Агафонов, в 1965 г. переименована в его честь, в 1969 г. в городе открыт кинотеатр имени Я.Г. Агафопова.

До конца 1980-х гг. фигура В.И. Ленина в коммеморативном дискурсе продолжала играть идентификационную роль. С распадом Советского Союза в 1990-х гг. в пространственной организации мемориального пространства можно заметить трансформацию идентификационного центра с фигуры Ленина на фигуру Сталина. Символом этого центра, олицетворяющего в России «единство нации», служит праздник 9 Мая (1945 г.), который гораздо эффективнее вытеснил память об Октябрьской революции — 7 ноября (1917 г.). Практика использования государством памяти о Великой Отечественной войне в мемориальном пространстве для объединения и идентификации граждан продолжает использоваться и после распада Советского Союза.

В конце 1980–90-х гг. открыто заговорили о памяти жертв политических репрессий

в СССР, что нашло отражение в публичных коммеморациях [ГАНУ, Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 382. Л. 22]. После вывода войск из Афганистана в 1989 г. началась мемориализация героев войны. А вместе с крушением советской системы в начале 1990-х гг. произошло переосмысление опыта войны в Афганистане, что выразилось и в изменении официальной политики памяти [Наумов, Рыженко, 2019, с. 432]. Сразу после вывода советских войск из Афганистана была создана Новосибирская областная общественная организация «Российский Союз ветеранов Афганистана», которая была официально зарегистрирована спустя несколько лет, 1 июля 1991 г. С момента ее возникновения члены организации проводят уроки мужества в образовательных организациях, делают видеофильмы о героях Афганской войны, проводят спортивные мероприятия, посвященные памяти погибших. Во многих малых городах Новосибирской области установлены памятники, обелиски погибшим в этой войне воинам.

Выводы. Мемориальное пространство малых городов Новосибирской области состоит до сих пор в основном из памятников советского периода. Это объясняется тем, что преимущественно им уделялось внимание местных властей и общественности вплоть до распада СССР. С середины 1960-х гг. развитие мемориального пространства малых городов, как и областных центров, подчинялось тенденции акцентирования именно местной истории и ее героев, но в рамках общесоветской схемы интерпретации исторического процесса. В 1980-х гг. продолжали возводить новые памятники на братских могилах периода Гражданской войны. Перестроечные дискуссии, связанные с пересмотром отношения к этому этапу отечественной истории, заметно не отразились на мемориальном пространстве малых городов, которое оставалось довольно консервативным. Создававшееся в советское время мемориальное пространство дстраивалось памятниками, увековечивавшими память о местных героях Великой Отечественной войны и ее жертвах. К концу 1980-х гг. эти памятники обычно уже доминировали в городском мемориальном пространстве. Об этом говорило не только их местоположение, но и то, что они несли больше информации о лицах, память о которых увековечивали (имена, скульптурные портреты), а уровень их художественного исполнения можно признать более высоким. Памятники Гражданской и Великой Отечественной войн были взаимосвязаны общей логикой официального исторического дискурса. Две войны рассматривались как этапы борьбы советского народа за свое «светлое будущее». Однако в 1990-х гг. памятники, связанные с Гражданской войной, начали постепенно выпа-

дать из мемориального пространства, что отразило прекращение коммеморативной деятельности, площадкой для которой становились эти памятные места и монументы. Их не сносили, но использовать стали гораздо меньше. Зато не теряли своей значимости мемориальные комплексы, связанные с Великой Отечественной войной, которые повсеместно создавались в 1980-х гг. Эти памятники поднимали символический статус малых городов, наглядно связывая их историю с контекстами истории страны. В Куйбышеве военные памятники образовали целую систему, ставшую в этом городе доминирующей. В 1990-х гг. ослабло внимание к декабристам, бывавшим в Новосибирской области, стали забываться А.Н. Радищев и В.В. Куйбышев, память о которых закреплялась ранее в ряде мемориальных объектах. Новым же коммеморативным дискурсом в 1990-х гг. стала тема памяти о жертвах репрессий и участниках войны в Афганистане. Однако соответствующие памятники не заняли центральных мест в мемориальном пространстве интересующих нас городов. Они образуют обособленные мемориальные островки, выражающие смыслы, не связанные с тем прочтением отечественной и локальной истории, которое широко тиражируется и сегодня на официальном уровне.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ и Новосибирской области. Проект №19-49-540003 «Мемориальное пространство городов Новосибирской области в исторической динамике».

Материал передан в редакцию 12 мая 2020 г.

Список литературы

1. Ассман А. Забвение истории — одержимость историей. — М.: Новое литературное обозрение, 2019. — 552 с.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
3. Вальдман И.А. Традиционное общественное сознание и социальная коммуникация // Идеи и идеалы. — 2014. — № 4. — Ч. 1. — С. 123–129.
4. Вальдман И.А., Громова О.А. Концептуальные основания методологии исследования мемориального пространства в исторической динамике // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. — 2019. — Т. 8. — № 5А. — С. 34–43.
5. Громова О.А., Красильникова Е.И. Система мест памяти о советских героях в городе Куйбышеве Новосибирской области (по документам Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры 1960-х — 1980-х годов) // Баландинские чте-

ния: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2019. — Т. XIV. — С. 459–463.

6. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. — М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 736 с.

7. Каталог «Памятники новосибирцам-защитникам Отечества». Справочное издание. — Новосибирск: [б.и.], 2010. — 480 с.

8. Копосов Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 320 с.

9. Красильникова Е.И. Романовы в Новониколаевске: отражение дискурса памяти империи в городском мемориальном пространстве // Государство, Общество и Церковь: российская нация и национальное единство: материалы научно-практической конференции с международным участием: в 2 ч. — Ч. 1. — Новосибирск: СибАГС, 2019. — С. 246–249.

10. Красин Л.Б. Архитектурное увековечивание Ленина // О памятнике Ленину: сборник статей. — Ленинград: Гос. изд-во, 1924. — 122 с.

11. Наумов С.С., Рыженко В.Г. Памятники жертвам локальных конфликтов и катастроф в постсоветской мемориальной культуре (на примере крупных городов Западной Сибири) // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: материалы VI международной научно-практической конференции. — Брянск: БГИТУ, 2019. — С. 430–438.

12. Рикер П. Память, история, забвение. — М.: Изд-во гуманитарной лит., 2004. — 725 с.

13. Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. — Новосибирск: Наука, 1981. — 303 с.

14. Франция — память. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. — 328 с.

15. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. — М.: Новое изд-во, 2007. — 348 с.

References

1. Assmann A. Zabvenie istorii — odezhimost' istoriei [Oblivion of history — obsession with history]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 552 p. (In Russ.)
2. Assmann Ya. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 368 p. (In Russ.)
3. Durkheim E. Elementarnye formy religioznoi zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii [Elementary forms of religious life. To-

temic system in Australia]. Moscow: the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2018. 736 p. (In Russ.)

4. Fofanov V.P. Sotsial'naya deyatel'nost' kak sistema [Social activity as a system]. Novosibirsk: Nauka, 1981. 303 p. (In Russ.)

5. Frantsiya — pamyat' [France — Memory]. St. Petersburg: izd. Saint Petersburg State University, 1999. 328 p. (In Russ.)

6. Gromova O. A., Krasil'nikova E. I. Sistema mest pamyati o sovetskikh geroyakh v gorode Kuibysheve Novosibirskoi oblasti (po dokumentam Vserossiiskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury 1960-kh — 1980-kh godov) [The system of places of memory of Soviet heroes in the city of Kuybyshev, Novosibirsk Region (according to documents of the All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments of the 1960s — 1980s)]. In: Balandinskie chteniya: sbornik statej 14 nauchnyh chtenij pamyati S.N. Balandina. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts, 2019. Vol. 14. Pp. 459–463. (In Russ.)

7. Halbwachs M. Sotsial'nye ramki pamyati [Social framework of memory]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 p. (In Russ.)

8. Katalog Pamyatniki novosibirsk-zashchitnikam Otechestva [The catalog Monuments to Novosibirsk Defenders of the Fatherland]. Spravochnoe izdanie. Novosibirsk, 2010. 480 p. (In Russ.)

9. Kuposov N.E. Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii [High Security Memory. History and politics in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 320 p. (In Russ.)

10. Krasil'nikova E.I. Romanovy v Novonikolaevske: otrazhenie diskursa pamyati imperii v gorodskom memorial'nom prostranstve [Romanovs in Novonikolaevsk: reflection of the discourse of the memory of the empire in the city memorial space]. In: Gosudarstvo, Obshchestvo i Tserkov': rossiiskaya natsiya i natsional'noe edinstvo: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Pt. 1. Novosibirsk: Siberian Academy of Public Administration, 2019. Pp. 246–249. (In Russ.)

11. Krasin L.B. Arkhitekturnoe uvekovechivanie Lenina [Architectural immortalization of Lenin]. In: O pamyatnike Leninu: Sbornik statej. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1924. 122 p. (In Russ.)

12. Naumov S.S., Ryzhenko V.G. Pamyatniki zhertvam lokal'nykh konfliktov i katastrof v postsovetskoi memorial'noi kul'ture (na primere krupnykh gorodov Zapadnoi Sibiri) [Monuments to victims of local conflicts and catastrophes in post-soviet memorial culture (on the example of large cities of Western Siberia)]. Problemy i tendentsii razvitiya sotsiokul'turnogo prostranstva Rossii: istoriya i sovremennost': materialy VI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Bryansk: Bryansk State University of Engineering and Technology, 2019. Pp.

430–438. (In Russ.)

13. Ricœur P. Pamyat', istoriya, zabvenie [Memory, history, oblivion]. Moscow: Izd-vo gumanitarnoi lit-ry, 2004. 725 p. (In Russ.)

14. Val'dman I.A. Traditsionnoe obshchestvennoe soznanie i sotsial'naya kommunikatsiya [Traditional public consciousness and social communication]. Idea i ideals. 2014. No 4. Pt. 1. Pp. 123–129. (In Russ.)

15. Val'dman I.A., Gromova O.A. Kontseptual'nye osnovaniya metodologii issledovaniya memorial'nogo prostranstva v istoricheskoi dinamike [The conceptual basis of the methodology for the study of memorial space in historical dynamics.]. Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke. 2019. Vol. 8, No 5A. Pp. 34–43. (In Russ.)

Список источников

1. Буров Ф. 300 лет Искитиму: восемь малоизвестных фактов // Библиотека сибирского краеведения. — URL: <http://bsk.nios.ru/content/300-let-iskitimu-vosem-maloizvestnykh-faktov> (дата обращения: 15.03.2020).

2. ГАНУ. Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 873, 3637.

3. ГАНУ. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 294, 296, 301, 331, 379, 382.

4. Лобашов В.Д. Город Барабинск: 125 лет со дня основания // Библиотека сибирского краеведения — URL: <http://bsk.nios.ru/content/gorod-barabinsk> (дата обращения: 27.03.2020).

5. Николаев А.А. Краткий очерк истории Новосибирской области // Библиотека сибирского краеведения. — URL: <http://bsk.nios.ru/content/kratkiy-ocherk-istorii-novosibirskoy-oblasti> (дата обращения: 15.03.2020).

6. Умбрашко К.Б. 80-летие Новосибирской области: люди, даты, события // Библиотека сибирского краеведения. — URL: <http://bsk.nios.ru/content/80-letie-novosibirskoy-oblasti-lyudi-daty-sobytiya> (дата обращения: 15.03.2020).

Список сокращений

БГИТУ — Брянский государственный инженерно-технологический университет

ВООПИИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры

ГАНУ — Государственный архив Новосибирской области

КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза

РАНХиГС — Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

РК КПСС — районный комитет Коммунистической партии Советского Союза

СибАГС — Сибирская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации